

ЛИНГВОКУЛЬТУРА LANGUAGE IN CULTURE

DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-2-308-321

Научная статья

Развитие гендерологии на этнокультурной почве: проблемы и перспективы

Х.Г. Тхагапсоев

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова,
Российская Федерация, Кабардино-Балкарская Республика,
360004, Нальчик, ул. Чернышевского, 173
 gapsara@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению проблем и процессов становления и развития этнической гендерологии в общем контексте современных тенденций развития социально-гуманитарной науки, а также состояния этнологии в регионах. Гендерные отношения в кавказском этносоциальном пространстве не только специфичны, но и претерпевают противоречивые изменения в контексте общих трендов современной российской социальнокультурной трансформации, требуя пристального научного внимания, прежде всего региональной этнологии. Однако этнология в регионе пока так и остается под влиянием консервативных идей и установок из 1990-х гг. «о возврате к корням культуры, реисламизации культуры». В этом контексте анализируются барьеры на пути развития гендерологической науки в пространстве кавказских этнических культур с максимальным учетом особенностей этих культур. Детально раскрываются гендерологические особенности кавказских этнических культур (особенно на примерах гендерного бытия адыгских этносов). Отмечается недостаточная их изученность, а также несоответствие бытующих на российской дискурсивной арене стереотипов в отношении кавказской гендерной культуры фактам и реальностям, что так или иначе дистанцирует внимание центров гуманитарной науки страны от осмысления этногендерной проблематики. Очерчиваются возможные (потенциальные) перспективы и горизонты развития этнической гендерологии в кавказских регионах. Значительное внимание отведено особо значимой роли литературоведения (и филологической науки в целом) в преодолении барьеров на пути развития гендерологической науки в пространстве кавказских этнических культур. Отмечается, что литературоведение становится лидерской наукой этнологии в регионе, чему объективно

© Тхагапсоев Х.Г., 2022

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>

способствуют как общие тренды культурно-трансформационных процессов в современной России, так и ныне бытующие консервативные интенции этнологии в кавказских регионах.

Ключевые слова: гендер, пол, биологический пол, социокультурный пол, гендерные отношения, гендерный процесс, этническая гендерология, этническое литературоведение

История статьи: поступила в редакцию: 04.02.2022; принята к печати: 04.04.2022

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: *Тхагансоев Х.Г.* Развитие гендерологии на этнокультурной почве: проблемы и перспективы // Полилингвильность и транскультурные практики. 2022. Т. 19. № 2. С. 308—321. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-2-308-321

Research Article

Development of Gender Studies on Ethnocultural Grounds: Problems and Prospects

Kg.G. Tkhagapsoev

Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov,
173, Str. Chernyshevskiy, Nalchik, 360004, Kabardino-Balkarian Republic, Russian Federation
 gapsara@rambler.ru

Abstract. The fact is that gender relations in the Caucasian ethno-social space are not only specific, but also undergo contradictory changes in the context of the general trends of modern Russian socio-cultural transformation, requiring close scientific, primarily ethnological attention. However, ethnology in the region still remains under the influence of conservative ideas from the 1990s “on a return to the roots of culture, on the re-Islamization of culture”. In this difficult context, the barriers to the development of gender science in the space of Caucasian ethnic cultures are analyzed with maximum consideration of the characteristics of these cultures. On a wide range of facts and phenomena, the genderological features of the Caucasian ethnic cultures are revealed in detail (especially on the examples of the gender existence of the Adyghe ethnic groups). They are not properly studied, as well as the inconsistency of the stereotypes existing in the Russian discursive arena regarding Caucasian gender culture with facts and realities, which distances the attention of the centers of the country’s humanities from understanding ethno-gender issues. Possible (potential) prospects and horizons for the development of ethnic gender studies in the Caucasian regions are outlined. Considerable attention is paid to the particularly significant role of literary criticism (and philological science in general) in overcoming barriers to the development of gender science in the space of ethnic cultures. At the same time, it is argued that there are growing tendencies towards the formation of literary criticism as the leading science of ethnology, which is objectively facilitated by both the general trends of cultural transformation processes in modern Russia and the current conservative intentions of ethnology in the Caucasian regions.

Key words: gender, sex, biological sex, sociocultural sex, gender relations, gender process, ethnic genderology, ethnic literary criticism

Article history: Received: 04.02.2022; Accepted: 04.04.2022

Conflict of interests: none

For citation: Tkhaǵapsoev, Kǵ.G. 2022. “Development of Gender Studies on Ethnocultural Grounds: Problems and Prospects”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 19 (2), 308—321. DOI 10.22363/2618-897X-2022-19-2-308-321

Введение

Дух и логика современной цивилизации таковы, что наука видится как главная, а точнее, единственная опора человека во всем — не только как способ проникновения вглубь бытия, но и как основа всех форм уклада жизни человека (технологий, экономики, культуры, коммуникации). Более того, и свой внутренний мир человек пытается узреть тоже в науке, понять себя ее посредством. В итоге постоянно подстегивается развитие науки, множится число наук, дробятся их предметы и объекты, размываются их границы и ответственность. Родилась даже наука, которая занята лишь изучением процессов рождения и роста новых наук — науковедение, в рамках которой уже насчитывается около четырнадцати тысяч наук.

Многие из этих наук известны разве что в очень узких кругах специалистов. Например, вексиология изучает только флаги, их семиотику и историю; кампанонологию интересуют лишь колокола и их истории, а оологию — яйца птиц и животных.

Однако время от времени на арену мысли и познания выходят и крупные отрасли науки, такие как клеточная биология, изучающая глубинные процессы мира живого; когнитология, обещающая раскрыть тайны рождения мысли и знаний (тайны мозга); синтетическая медицина, с которой связаны надежды на продление жизни человека до 100 и более лет. В ходе этих процессов родилась и гендерология, которая открывает всю сложность того мира, что стоит за привычным и, казалось бы, обыденным понятием «пол», а точнее и отныне, гендер [1; 2].

Отношения между мужчиной и женщиной, а если быть точным гендер и гендерные отношения — один из ключевых предметов науки. Отныне видение и интерпретация сущностей бытия (культуры, социальных отношений, социально-культурных процессов) и самого человека в научной аналитике определяется не только смысловым и методологическим потенциалом давно устоявшихся базовых категорий методологии науки (система, структура, отношения, противоречия, процесс, иерархия, референция), но и категорией «гендер». Более того, сложилась и успешно развивается новая отрасль науки — гендерология, уже затрагивающая своим влиянием самые различные сферы научного познания — лингвистику, историографию, социологию, психологию, политологию [3].

Гендерные отношения особенно специфичны, а следовательно, и особенно значимы в пространстве этнических культур, что настоятельно выдвигает на повестку дня социогуманитарного познания проблематику проецирования гендерологической науки на гендерное бытие этноса, соответственно, на вопросы фор-

мирования этнической гендерологии. В этнологии этот вызов времени в какой-то мере осознается [4; 5]. Но здесь, увы, все достаточно сложно.

Начнем с того, что на пути развития гендерологии в рамках этнической культуры и этнологической науки существует множество препятствий. Ведь гендерологию в этническом мире ассоциируют с радикальным феминизмом и его воинственностью, а также с движением ЛГБТ и его, скажем так, своеобразной этикой. Против укоренения гендерологии в этнокультурной среде действует и стыдливость, ценимая в этических кодексах морали и поведения. Да, культурно-цивилизационная ситуация ныне такова, что стыдливость порой становится едва ли ни последним прибежищем этнических культур против безмерного цинизма и откровенного бесстыдства, ставшего знаменем масскультуры и сетевого мира.

К этому следует добавить, что у гендерологии есть разделы, темы и аспекты «не для всех», которые табуируются (публично не затрагиваются, не обсуждаются) в этнических культурах. Например, тема множественности вариантов пола человека (по медико-биологическим критериям их более 50, в числе коих пансексуал, т.е. индивид, обладающий целым набором полов; флюидный гендер, когда пол индивида меняется ситуативно — «по велению души и сердца, настроению, влечениям, по обстановке»), «темные и экстремальные» стороны интима, однополые браки и т.д. А ведь в области ныне бытующей «стыдливой» этнологии почти не затрагиваются даже, казалось бы, вполне рядовые проблемы сексизма (мужского шовинизма) и феминизма. К тому же этнология, которая, казалось бы, должна проникнуться интересом к гендерологии и к ее познавательному потенциалу, пока, увы, остается в плену консервативно-охранительных интенций «возврат к своим культурным корням, этническое возрождение» родом из 1990-х гг. Таким образом, этнология фактически отгораживается от гендерологии, ее идей, принципов и драйверного потенциала, а по сути — от возможного парадигмального скачка в собственном развитии, а заодно и деконструкции посредством методов гендерологии давно отжившей культурной архаики. В итоге без внимания этнологии остаются даже самые яркие и специфичные особенности гендерного бытия кавказских этносов (о чем далее и пойдет речь), что вновь и вновь призывает гендерологию на арену познания этнических культур. Но ситуация пока такова, что на первом плане остаются вопросы «первотолчка», т.е. вопросы конструирования, развертывания, легитимации и становления этнической гендерологии.

Понятно, что этногендерология должна строиться совместными усилиями всех предметных сфер этнологии (историографии, культурологии, филологии, лингвистики — по меньшей мере) как междисциплинарная сфера науки. Науки такого формата особенно перспективны, как известно.

Очевидно, что здесь не обойтись без опоры на философию и психологию, а точнее, без освоения массивов гендерологических знаний, выработанных (давно вырабатываемых) этими науками. При этом апелляция к философии должна означать прежде всего прояснение сущности и смыслов гендера, «что есть гендер». А здесь не все так просто. Ведь сплошь и рядом за гендером видится и мыслится лишь пол человека — с вариациями «биологический», «социальный», «предписанный культурой». Более того, нередко гендерная проблематика сводится к «про-

блемам женщины в обществе и семье» или «в экономике — трудовых отношениях», а в общем — к проблематике равенства прав, свобод и возможностей мужчины и женщины. Однако гендерная проблематика намного сложнее. Ведь гендер — это не только биологический пол (хотя биологическое здесь имеет место быть, и оно преодолимо), это не только ролевое культурное амплуа (как полагают в социологии, культурологии, педагогике), не только мера маскулинности и феминности человека (как видится в психологии, культурологии). Гендер — это сумма, синтез и сплав всех указанных факторов, а также результат влияния социокультурного контекста бытия человека на его личность и самосознание [6; 7]. Гендер являет собой одну из универсальных мер бытия («всяк имеет свой пол», к чему мы еще вернемся) и форму социальных отношений со всеми его коллизиями: противоречиями, конфликтами, трансформациями, кризисами, взрывами. Именно подобное предельно широкое понимание гендера вызвало к жизни новое научное направление — гендерологию; именно подобное объемное понимание гендерологии способно обещать и гарантировать этнической гендерологии восстребованность и эффективность в системе этнологических наук.

Обсуждение

Этносоциальный мир как неведомое пространство гендерологии

В большинстве кавказских (и не только кавказских) этнических регионов ситуация пока такова, что гендерология делает лишь первые шаги к становлению — прежде всего усилиями историографии и литературоведения. С литературоведением все понятно и ожидаемо — здесь идея гендера, хотя она так не именовалась, присутствовала всегда. Ведь литературоведы искони различали «женский» и «мужской» почерки. Более того, они научились типизировать и систематизировать особенности, детали, жанровые, сюжетно-тематические, характерологические, психологические, этико-эстетические нюансы в «мужских» и «женских» нарративах.

Однако, если мы говорим о системном задействовании идей гендерологии и методологического арсенала категории «гендер» в литературоведении, конечно же, недостаточно сводить все к «различиям почерков» или же к особенностям «картин мира» мужчины-писателя и женщины-писателя (писательницы), т.е. к «гендерно-окрашенным» различиям в их мировидении и творческих арсеналах (а пока именно так и происходит). Литературоведению еще предстоит «пропитаться» теми гендерологическими знаниями, которые уже накоплены в социально-гуманитарных науках, не первый год занятых изучением человека, — в той же философии, психологии, антропологии. А коль скоро речь идет об оптике этнической литературы, понятно, что необходимо задействовать также и этнографические знания, накопленные в анналах этнологии (от фольклористики, к чему литературоведы чаще всего и обращаются, до этнической психологии).

Лишь при таком подходе литературоведение может обрести «новое зрение» и новую глубину видения, а главное, подняться на новую высоту аналитики, дабы увидеть, насколько глубоко автор (писатель, поэт, драматург) ощущает, видит и

знает гендерологические особенности собственного этноса, гендерологическую детерминацию своей культуры. И что самое важное, как он (она) находит (или не находит) этим особенностям преломление и интерпретацию в типажах, судьбах, характерах и поведенческих стратегиях своих героев, в обстоятельствах их жизни. Поясним сказанное на характерных фактах гендерного бытия северокавказских этносов (в частности адыгов).

1. Суровый запрет на сексуально-брачные отношения по линии родства («вплоть до седьмого колена»), притом что у многих народов со времен родового общества практиковались и сегодня практикуются кросс-кузенные браки, не говоря уже о браках между дальними родственниками.

С позиции психологии это означает (может означать), что здесь часто нежные чувства и влечения, которые могли бы составить счастье «для него и для нее», подавляются «прессом действующих нормативов», поскольку маркируются как неприемлемые, недопустимые.

Какие последствия за этим следуют? Это целый пласт проблем психологии человека, личности, любви. Но это и особое драматическое пространство (особый мир) художественного исследования, осмысления, отображения. Ступают ли наши писатели и поэты на эту «запретную территорию пера»? Пока, увы, не отваживаются, оставляя таким образом «вынос проблемы на открытую публику» за литературно-критической мыслью.

2. Другой пример — разновекторность и разнонаправленность целей, действий этнических социальных институтов регулирования обыденной жизни, т.е. институтов «старшего мужчины» и «старшей женщины» рода (семьи, фамилии, рода, тейпа). О чем идет речь?

Как известно, в обыденной жизни наших этносов, в семейных делах и отношениях всегда было велико и сегодня значительно влияние старших по возрасту, «института старшего». Однако при внимательном рассмотрении здесь обнаруживается много нюансов, хотя обычно считается, что старшие (и мужчины, и женщины) «стоят на страже приличия поведения младших».

Дело в том, что власть (влияние) старшего мужчины и старшей женщины действует вовсе не в унисон, как принято считать в «восприятии извне». Так, власть старшего мужчины, которая, разумеется, стоит на «страже приличия и заведенного порядка», направлена главным образом и прежде всего на солидаризацию и мобилизацию членов своего рода (семьи) и на отражение недружественных действий извне, т.е. на сохранение доброго имени и репутации рода, а также на «сохранение лица» членами рода. А вот институт старшей женщины работает скорее на обеспечение открытости рода (семьи) внешнему социально-культурному миру (другим родам, да и сама старшая женщина всегда «из другого рода-племени»), на «наведение мостов дружбы, мира и родства» с другими родами... вплоть до «прощения крови на руках чужака» (например, через известный ритуал припадания к груди старшей женщины, известные «платочно-косыночные ритуалы» прерывания конфликтов между родами и замирения враждующих сторон).

3. К изложенному надо добавить и такой «гендерный феномен», как идеализация и превознесение в кавказском культурном и символическом мире мужчи-

ны агонического типа, следующего в поведении и действиях принципу «ни шагу назад», соответственно, соотнесенность мужчины (образа мужчины) в нормах и кодексах социального регулирования с такими чертами, как напор, наступательность и непримиримость (крайняя форма — кровная месть). А что касается поведенческой стратегии кавказской женщины, здесь все намного сложнее. Нормы социального регулирования обязывают ее к терпению и прощению даже в отношении убийцы (как уже отмечено) — если она находит основание к этому или принимает его (убийцы) раскаяние. Все это пока еще ожидает преломления в этнохудожественной литературе, в этнической литературно-критической мысли, в этногендерологии.

4. В бытии кавказских этносов имеет место такой нюанс, который, на наш взгляд, и по сей день не получил должного внимания этнологии. Речь идет об асимметричности отношений «конкуренция — солидарность» в мужской среде и женской среде. Как это понимать и что это значит?

Дело в том, что в кавказской мужской среде явно доминирует конкуренция, здесь каждый мужчина жаждет победы и доминирования (ведь конкуренция и есть стихия мужчины агонического типа, что так превозносится в нашей культуре, начиная с фольклора, с того же нартского эпоса). А в женской среде все обстоит, как уже подчеркивалось, совершенно иначе. Здесь превалируют терпение, терпимость, склонность (предрасположенность) к компромиссам, к солидарности в той или иной форме.

Иначе говоря, кавказские женщины не только должны быть терпеливы (что известно), но и терпимы в мировосприятии и в восприятии окружающих культур и людей, в том числе в отношениях с другими женщинами, с женской средой. Это и ожидаемо, если не забывать, что кавказская женщина может обрести свою семью (построить ее), лишь оставив родительский дом, оставив свой род, семью, фамилию и перейдя под опеку и власть старшей женщины совсем другого («чужого») рода, рода своего мужа.

Ко всему этому надо добавить еще одно обстоятельство, а точнее, еще одну гендерную особенность наших этнических культур, а именно легитимацию лишь одной формы (одной модели) брака и образования новой семьи. Речь идет о том, что женщина в буквальном смысле «выходит замуж», т.е. покидает свою семью и переселяется в семью мужа, в его секторальное этносоциальное пространство (в род, клан, тейп, имея при этом все шансы стать там «старшей женщиной»), хотя за ней, конечно же, сохраняется принадлежность к роду, откуда она выходит, и поддержка этого рода. В этом контексте любая «старшая женщина» одновременно принадлежит двум родам (фамилиям, семьям), что и детерминирует ее поведение и действия. Случаи, когда мужчина, заключая брак переходит в семью (род) жены, встречаются крайне редко, поскольку такие браки в культуре наших этносов воспринимаются как маргинальные. Но при этом означенный брак считается минусом лишь для репутации мужчины. В итоге монопольными носителями и строителями связей между кланово-родовыми частями этноса и согласия между ними являются именно женщины.

Если учитывать изложенное, гендерная ситуация в пространстве кавказской культуры обретает парадоксальный характер. А именно: у женщины больше «сво-

боды маневров» в выборе модели брака и семьи, больше ответственности при принятии критически значимых для рода и семьи решений, больше власти в процессах повседневного бытия, повседневной жизни. Но самое главное заключается в том, что многообразие и противоречивость гендерных отношений обрекает их на неустойчивость. Сегодня в различных кавказских городах без труда можно обнаружить резко различающиеся типы «гендерной повседневности» — преобладание женщин в темных косынках и платьях свободного кроя в Грозном, Магасе или Махачкале (к удовольствию консервативной этнологии), в то время как во Владикавказе, Нальчике, Майкопе и Черкесске женщины явно предпочитают брючные костюмы, джинсы и эффектные юбки, вероятно, огорчая иных этнологов [6. С. 97—105].

И эта знаковая картина фиксируется и осмысливается разве что в этнической художественной литературе и литературоведении.

Остается добавить еще один нюанс кавказского гендерного бытия — «маскирующая гендерная стратегия». Как это понимать? Дело в том, что кавказская женщина, зарабатывая больше мужа, решая все в семье, воспитывая детей практически без участия мужа, будет создавать иллюзию, что «все решает муж» и он главный в семье. Это тоже часть кавказского этногендерного бытия, почему-то ускользающая от этнологии.

Вот здесь в пору вновь обратиться к художественной литературе. Ведь магия художественной литературы в том и заключается, что она может и умеет все подметить, все «подсмотреть» в жизни. И не только «подсмотреть», но также смоделировать и исследовать (при желании, разумеется), каким образом вся кратко очерченная здесь гендерная специфика кавказского этносоциального бытия обращается в нюансы жизни и культуры, в судьбы и драмы героев художественной литературы. Именно это (вкуче с явной отстраненностью местной этнологии от гендерной проблематики) и отводит литературоведению особую роль в становлении этнической гендерологии. Ведь столь специфичное гендерное бытие, будучи отражено талантливо, несомненно может стать философско-эстетическим маркером наших этнических литератур, что лишь увеличивает шансы литературоведения возглавить процессы становления этногендерологии.

Разумеется, гендерные измерения художественной литературы, а значит, гендерная проблематика литературоведения не исчерпывается спецификами этнического плана, особенностями гендерных отношений в этносах. У нее (у художественной литературы) еще множество гендерных измерений общего и универсального плана. Например, проблематика «женского почерка» и «мужского почерка» в литературе, о чем уже шла речь; формы типизации мужчины и женщины в современной литературе (вариант — гендерное бытие в современной литературе); «феминность — маскулинность» в художественном нарративе, «феминное» и «маскулинное» в литературно-художественном арсенале и т.д. К тому же «гендерное» проецируется на творчество любого автора (Достоевского, Толстого, Ахматовой, Цветаевой) и на каждый литературный жанр (гендерная поэтика, гендерная комедиография...), вновь и вновь адресуясь литературоведению (гендерная поэтика Пушкина, Цветаевой, Есенина, Блока, Маяковского), лиш-

ний раз подчеркивая и возвышая роль литературоведения в развитии этнической гендерологии.

Гендерные измерения литературы не только многообразны и важны — они уже стали (становятся) рабочими, нормативными аспектами повседневной литературоведческой практики и литературоведческого образования, о чем свидетельствует появление учебного пособия с говорящим названием «Гендерный аспект изучения литературы» [8]. И в то же время «гендерное» остается вечно новым и вечно креативным фактором и драйвером развития как художественной литературы, так и литературно-критической мысли. Так, «прорывным» в процессах развития художественной литературы ныне считается появление и институционализация «женской интернет-поэзии», что вновь и вновь убеждает в непреходящей актуальности гендерного в литературе и литературоведении, а значит, в особой роли литературоведения и литературно-критической мысли в развитии этнической гендерологии.

Еще раз к рифам на пути становления этнической гендерологии

Вернемся вновь к исторической гендерологии. Да, на всем протяжении истории существовали и существуют различия в женском и мужском социальном и культурном опыте. Соответственно, взаимодействие и взаимное дополнение этих типов социокультурного опыта несомненно являло собой один из самых важных факторов детерминации социальных процессов и исторического бытия. А значит, несомненна и правомерность появления исторической гендерологии. Другое дело — какова ее возможная роль в процессах становления и развития этнической гендерологии. Ведь наши кавказские этносы (и абсолютное большинство российских этносов) относятся к так называемым младописьменным. У этих этносов системная письменная культура сложилась лишь в 30-х гг. XX в., когда советская власть после долгих метаний между различными графическими системами (арабская, латинская, кириллическая) остановилась на русской, кириллической системе письма. В итоге «глубина залегания» письменных документальных источников в отношении этнических гендерных процессов и гендерного бытия, без чего научные дискурсы по историографии просто невозможны (или обречены на мифологию, мифологический уровень), просто не соответствуют времени «исторического масштаба бытописания». К тому же большая часть этой письменной истории приходится на советский период, когда все социальные и культурные процессы в стране проводились (шли) по единым для всех этносов канонам и лекалам, без особенностей пола, женщины и мужчины, при этом все «этническое» в культуре маркировалось лишь негативно, как «пережитки прошлого», «отсталость» и даже дикость.

Некоторым исключением являются годы Великой Отечественной войны, которые трагически персонифицировали мужчин и женщин, прежде всего тех, кто был обречен на судьбу «юной вдовы навсегда» и «мужа (суженого), искалеченного войной смолоду». Но и этот безмерный ужас в условиях советской системы бытовал столь однотипно и серо на фоне бравурной фальши власти, что только художественное осмысление способно вдохнуть в ситуацию боль, горечь, слезы

и краски, достойные этих мужчин и женщин, их жизни и судеб. Вероятно, и историки не станут это оспаривать.

Впрочем, есть и другие поводы высказать сомнения в адрес исторической гендерологии на этнической почве, если присмотреться к тактике ее развития. Речь идет о ее строительстве под «отдельным флагом науки», под флагом Российской ассоциации исследователей женской истории (РАИЖИ). Это какая-то реинкарнация громких прошлых этапов феминизма («женские истории», «женские исследования»). Но делима ли наука (если это наука) на мужские и женские исследования? И неужели следует доказывать, что феминизм, как и мужской шовинизм, не вяжется с научной объективностью?

Если учитывать изложенные обстоятельства, надежной наукой в плане формирования и развития этнической гендерологии остается филология, прежде всего литературоведение. Об этом убедительно свидетельствует и монография Л. Хараевой и З. Кучуковой с весьма широким и открытым, по сути «заявочным» названием — «Гендер и этногендер (на материале кабардинской женской прозы)» [9], по поводу которой автор этих строк уже высказывался [7. С. 63]. Добавим также: «неподнятой целиной» остается и гендерологический потенциал богатейшей паремии наших российских народов, этносов.

Разумеется, все это не отменяет роли историографии в этнической гендерологии, что продемонстрировано Л. Сабанчивой, автором монографии «Гендер в социально-политических процессах Кабардино-Балкарии» [10], насыщенной весомыми фактами, рефлексирующим наблюдением и меткими замечаниями. Эта монография несомненно является существенным вкладом в развитие этнологии, формирование кавказской гендерологии

Но все же историческая наука имеет свою логику, свое пространство и собственные границы ответственности. И указанная монография, при всех ее бесспорных достоинствах, остается, как и должно быть, историографической — затрагивает в отношении гендерного бытия лишь «внешнее» — фактуальное, наблюдаемое и документированное, что давно (и ныне) именуется как «положение женщины в обществе и в семье» или «проблема равенства прав и возможностей мужчин и женщин». А это, напомним, лишь малая толика из сонма гендерологических проблем и множества измерений гендерного бытия.

Гендерология как ориентир развития региональной этнологии

Пожалуй, общим местом в социально-гуманитарной науке стал тезис и невероятной динамичности, непривычной сложности и многообразности перемен, коим ныне подвержено социальное бытие. Особенно болезненно, а порой просто разрушительно эти перемены влияют на жизнь и культуру этноса и, конечно же, на этническое гендерное бытие. В этом смысле гендерологическая проблематика становится «передним фронтом» этнологии. Здесь уместно вновь обратиться к приведенному выше определению гендера. Получается так: из множества измерений гендера и гендерного бытия (биологического, социального, культурного, бытийного, психологического, личностного) на ответственность историографии (едва ли не главной науки этнологии) приходится разве что «социально-полити-

ческое», вновь и вновь выводя нас на особую роль филологических наук, литературоведения и литературно-критической мысли в процессах становления и развития этнической гендерологии. Ведь идеи, методы и когнитивный потенциал гендерологии выходят далеко за пределы социального и политического, более того, за пределы отношений «мужчина — женщина». Категория (дефиниция) «гендер» в современной познавательной практике соотносится и с неодушевленными сущностями, а также с феноменами идеального характера — с политикой, философией, культурой, литературой, музыкой, живописью, моралью, этикой, эстетикой, языком, стратегией поведения и коммуникации. Широко известный в этом плане пример — гендерная лингвистика, которая, как уже отмечено, находится на марше успешного развития. Культурология, в свою очередь, активно инкорпорирует идеи и принципы гендерологии. В итоге в систему критериев типологизации культуры теперь приходит и «гендерный маркер культуры», т.е. «половой признак и облик» культуры. Уже заявлены этнические культуры, маркируемые как «женские» или «мужские». Так, список феминных (женских) культур возглавляют скандинавские, а маскулинных (мужских) — японская. Активно анализируется в этом плане и русская культура, которую все чаще относят к числу «феминных», к культурам с «женским лицом» [11]. Так этнология «прирастает» гендерологией — ее идеями, методами, смыслами.

В этом контексте на повестку дня этнологии напрашивается вопрос: к какой же гендерной категории относится, скажем, адыгская культура (балкарская, осетинская, чеченская)? К мужской или женской? Или же: каков гендерный маркер кабардинского (балкарского, осетинского, ингушского и т.д.) фольклора, как вербального, так и музыкального? Дело в том, что далеко не все языки различают мужской и женский род, в том числе кабардинский. Эти вопросы, порожаемые гендерологией, понятны, адресуются лингвистике, филологии, литературно-критической мысли, но не историографии, тем более не полевой этнографии.

И, наконец, особый объект этнологии, социологии и гендерологии — семья. Семья ныне в контексте современных глобальных социокультурных процессов испытывает сложные противоречивые трансформации, неуклонно теряя при этом устойчивость и вековые базовые функции. Образ «матери-одиночки» уже становится мемом культуры наших дней. По данным официальной статистики, каждый четвертый ребенок в нашей стране растет в неполной семье, а в Москве и Петербурге — «авангардах цивилизации» — доля неполных семей приближается к 50%. Чем подобные «метаморфозы семьи» могут обернуться для исторических перспектив этноса? Не станут ли они приговором для семьи как института и этноса, как формы социальности?

На эти вопросы призвана искать ответы этногендерология, став новой тропой восхождения этнологической науки (и мысли) на парадигмальный уровень современной науки и социального прогнозирования, а также эффективным элементом современного профессионального образования. Подобные вызовы и ожидания в адрес этногендерологии актуализируются как общим состоянием нашего (российского) социально-культурного бытия [12], так и задачами развития в стране компетентностного образования [13—17].

Заключение

На протяжении всего дискурса мы последовательно акцентируем внимание на особой роли литературоведения (и филологии в целом) в процессах становления этнической гендерологии в пространстве кавказских культур. Дело в том, что памятные всем 1990-е гг. буйного конфликта всех форм идентичности (социальной, культурной, политической и этнической, разумеется) и безоглядной суверенности этноса во всем, не прошли бесследно для этнологической науки на местах. Так, историография — традиционный лидер региональной этнологии — пока так и не отошла от «философии исторических обид» и методологии этноцентризма, коими она заражена с 1990-х (что в гипертрофированной форме видим в жизни Украины) и в итоге не готова к объективному восприятию бытия этноса как в ретроспекции, так и в интроспекции. Да и этническая культурология также во многом пребывает в розовых туманах и даже лозунгах тех лет — «возврат к своим культурным корням, этническое возрождение» — что, увы, в реальности ведет к архаизации и реисламизации культур этносов Кавказа (это особенно заметно, как уже отмечалось, в культурной жизни и в повседневности Чечни, Ингушетии и Дагестана). В этнологических дискурсах этих республик пока роль ислама в культурной жизни важнее, чем гендерные измерения культур. В такой ситуации этнология, как несложно понять, не готова и не способна к рациональной рецепции философии и методологии гендерологической науки, как не готова и осуществить «терапию» гендерологической деконструкции норм и форм этнической культуры (даже давно отживших свой век).

В этой ситуации художественная литература с ее «широкой оптикой» (и литературно-критическая мысль с ее толерантностью) становится наиболее релевантным и заслуживающим доверия инструментом самопознания этносов. Ведь в условиях неприятия культурных трендов современного глобального мира той же консервативно-охранительной этнологией на местах (что, увы, пока бытует) лишь художественная литература и литературоведение остаются «главным окном в современность», т.е. легитимированным самой этнической культурой и ее авторитетами проводником (в отличие от Интернета) и выразителем духа, динамики и эстетики времени в тех формах, что приемлет массовое этническое сознание.

Таким образом, как свидетельствует весь ход нашего дискурса, в условиях ныне бытующих в кавказском регионе обстоятельств (культурно-ментального, социокультурного и научно-методологического порядка) литературоведение становится визионером и драйвером гендерологии, а в этом контексте и лидером этнологии.

Именно через художественную литературу, литературоведение, литературно-критическую мысль и посредством их широкого восприятия возможна трансляция идей и принципов гендерологии (в общем потоке культурных идей и трендов времени) в этническую культуру, в этническое культурное и научное сознание. Это особенно четко и особенно убедительно проявляется в творчестве известных в российской литературе (и не только в российской) кавказских писателей Алисы Ганиевой и Мадины Тлостановой и в литературоведческой аналитике этого творчества. Творчество указанных авторов привлекает внимание кавказского читателя именно своей открытостью к гендерной проблематике и раскованностью

ее трактовки. Не обязывает ли это всех нас к пристальному вниманию не только к литературным процессам на местах, но и к особой роли литературно-критической мысли в становлении и развитии этнической гендерологии и — шире — в преодолении ныне бытующих консервативно-охранительных интенций этнологической науки на местах? Увы, эти обстоятельства пока в должной мере не осознаются ни в научных кругах наших культурных столиц, ни в структурах власти, управляющих научной и культурной политикой в стране.

Список литературы

1. *Воронина О.А., Айвазова С.Г., Баскакова М.Е.* Теория и методология гендерных исследований. М.: МЦГИ, 2001.
2. *Силасте Г.Г.* Гендерная социология и российская реальность. М.: Альфа-М, 2016.
3. *Пушкарева Н.Л.* Гендерная теория и историческое знание. СПб.: Алетейя, 2007.
4. *Сабанчиева Л.Х.* Гендерный фактор традиционной культуры кабардинцев (вторая половина XVI—60-е годы XIX века). Нальчик: Эль-фа, 2005.
5. *Текуева М.А.* Мужчина и женщина в адыгской культуре: традиции и современность. Нальчик: Эль-фа, 2006.
6. *Тхагапсоев Х.Г., Шадже А.Ю., Ильинова Н.А., Куква Е.С., Тауканова З.Ч.* Детерминация гендера этническим фактором: кавказский дискурс. М.: Спутник+, 2019.
7. *Тхагапсоев Х.Г.* Увидеть культуру из ее потайных уголков во имя культуры // Доклады Адыгской (Черкесской) Международной академии наук. 2021. Т. 21. № 4.
8. *Афанасьев А.С., Бреева Т.Н.* Гендерный аспект изучения литературы. М.: ФЛИНТА, 2017.
9. *Хараева Л.Ф., Кучукова З.А.* Гендер и этногендер (на материале кабардинской женской прозы). Нальчик: Принт Центр, 2018.
10. *Сабанчиева Л.Х.* Гендер в социально-политических процессах Кабардино-Балкарии. Нальчик: КБИГИ, 2016.
11. *Зарецкий Е.* Феминность/маскулинность: кросскультурный анализ на примере России и ФРГ. URL: <https://www.researchgate.net//Femininity>.
12. *Тхагапсоев Х.Г.* К особенностям социального бытия современной России // *Философские науки*. 2007. № 9. С. 48—66.
13. *Тхагапсоев Х.Г.* Компетентностное образование: к проблеме воплощения // *Высшее образование в России*. 2013. № 6. С. 71—76.
14. *Кажаров А.Г., Тхагапсоев Х.Г., Яхутлов М.М.* Магистратура в современном российском вузе: региональное измерение // *Высшее образование в России*. 2017. № 3. С. 101—108.
15. *Тхагапсоев Х.Г., Сапунов М.Б.* Российская образовательная реальность и ее превращенные формы // *Высшее образование в России*. 2016. № 6. С. 87—97.
16. *Тхагапсоев Х.Г.* Образование: канун новой парадигмы. М.: Просвещение, 1997.
17. *Тхагапсоев Х.Г.* Философия образования: проблемы развития региональных систем. Нальчик: Эль-Фа, 1997.

References

1. Voronina, O.A., and Ayvazova S.G. 2001. *Teoriya i metodologiya gendernykh issledovaniy*. Moscow: MTSGI publ. Print. (In Russ.)
2. Silaste, G.G. 2016. *Gendernaya sotsiologiya i rossiyskaya real'nost'*. Moscow: Al'fa-M. Print. (In Russ.)
3. Pushkareva, N.L. 2007. *Gendernaya teoriya i istoricheskoye znaniye*. SPb.: Aleteyya publ. Print. (In Russ.)
4. Sabanchiyeva, L.Kh. 2005. *Gendernyy faktor traditsionnoy kul'tury kabardintsev (vtoraya polovina XVI—60-ye gody XIX veka)*. Nal'chik: El'-fa Publ. (In Russ.)

5. Tekuyeva, M.A. 2006. Muzhchina i zhenshchina v adygsКОЙ kul'ture: traditsii i sovremennost'. Nal'chik: El'-fa Publ. Print. (In Russ.)
6. Tkhagapsoev, Kh.G., Shadzhe A.Yu., Il'inova N.A., Kukva Ye.S., Taukanova Z.Ch. 2019. Determinatsiya gendera etnicheskimi faktorom. Moscow: Sputnik+. Print. (In Russ.)
7. Tkhagapsoev, Kh.G. 2021. "Uvidet' kul'turu iz yeye potaynykh ugolkov vo imya kul'tury". In Doklady AdygsКОЙ (Cherkessкой) Mezhdunarodnoy akademii nauk. Vol. 21. No 4. Print. (In Russ.)
8. Afanas'yev, A.S., Breyeva T.N. 2017. Gendernyy aspekt izucheniya literatury. Moscow: FLINTA publ. Print. (In Russ.)
9. Kharayeva, L.F., Kuchukova Z.A. 2018. Gender i etnogender (na materiale Kabardinskoi zhenskoi prozy). Nal'chik: Print Tsentr publ. Print. (In Russ.)
10. Sabanchiyeva, L.Kh. 2016. Gender v sotsial'no-politicheskikh protsessakh Kabardino-Balkarii. Nal'chik: KBIGI publ. Print. (In Russ.)
11. Zareckij, E. Feminnost'/maskulinnost': krosskul'turnyj analiz na primere Rossii i FRG. Web. Access: <https://www.researchgate.net//Femininity>.
12. Tkhagapsoev, Kh.G. 2007. "K osobennostyam sotsial'nogo bytiya sovremennoy Rossii" Filosofskie nauki 9: 48—66. (In Russ.)
13. Tkhagapsoev, Kh.G. 2013. "Kompetentnostnoye obrazovaniye: k probleme voploshcheniya". Vyssheye obrazovaniye v Rossii 6: 71—76. (In Russ.)
14. Kazharov A.G., Tkhagapsoev Kh.G., Yakhutlov M.M. 2017. "Magistratura v sovremennom rossiyskom vuze: regional'noye izmereniye". Vyssheye obrazovaniye v Rossii 3: 101—108. (In Russ.)
15. Tkhagapsoev, Kh.G., Sapunov M.B. 2016. "Rossiyskaya obrazovatel'naya real'nost' i yeye prevrashchennyye formy". Vyssheye obrazovaniye v Rossii 6: 87—97. (In Russ.)
16. Tkhagapsoev, Kh.G. 1997. Obrazovaniye: kanun novoy paradigmy. Moscow: Prosveshcheniye publ. Print. (In Russ.)
17. Tkhagapsoev, Kh.G. 1997. Filosofiya obrazovaniya: problemy razvitiya regional'nykh sistem. Nal'chik: El'-Fa publ. Print. (In Russ.)

Сведения об авторе:

Тхагапсов Хажисмель Гисович — доктор философских наук, профессор Кабардино-Балкарского государственного университета. E-mail: gapsara@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-5778-5265

Bio Note:

Khazhismel Gisovich Tkhagapsoev is a Doctor of Philosophy, Professor Kabardino-Balkarian State University. E-mail: gapsara@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-5778-5265